

*1909 год от Рождества Христова, 30 октября
(десятью годами ранее)*

Запах свежей краски, досаждавший ученикам в первые дни осени, почти выветрился к Празднику Урожая. Его еще можно было учуять, переступая порог воскресной школы, но к моменту, когда сестра Агнес начинала рассказывать о заповедях, таинствах и адских муках, едва уловимый запах олифы и цинковых белил словно улечувчался.

«Интересно, грешники в аду тоже привыкают к запаху серы?» — размышляла Гретель, поглядывая в окно. Сейчас она чувствовала лишь сладковатый тыквенный аромат, долетавший со двора. Высокая пирамида, сложенная из оранжевых плодов, висилась у каменной стены собора. Эти тыквы пожертвовали местные фермеры для благотворительного обеда в честь Праздника урожая.

Сестра Агнес напоминала сушеную воблу, на которую ради смеха нацепили монашеское одеяние и очки с толстыми линзами. Костистое лицо и безгубый рот только усиливали сходство с рыбой. Прохаживаясь между рядами, сестра Агнес вещала:

— ...Вскрыв могилу святого Леонтия Халдейского, язычники с ужасом узрели, что его мощи не подверглись тлению. А вместо смрада разложившейся плоти из гроба повеяло миррой и ладаном.

— И тыквенной кашей, — прошептал Гензель, сидевший по левую руку от Гретель.

Девочка, которой в скором времени предстояло готовить эту самую кашу, сдержанно усмехнулась шутке младшего брата. Вообще, чистить и нарезать жесткие плоды — то

еще удовольствие. Фрау из женского церковного комитета, которые ежегодно устраивали благотворительный обед для бедных, сами не стояли над разделочной доской и кипящими чанами. Этим занимались девочки, посещавшие воскресную школу. В прошлом году от ручки ножа у Гретель вздулись кровавые волдыри.

— Как думаешь, — прошептал Гензель, наклоняясь к сестре, — если добавить в кашу святые мощи, каша станет святой?

— Думаю, да, — с серьезным видом отозвалась Гретель. — Ты же помнишь — капля святой воды освящает море.

— Значит, достаточно бросить один ноготь с руки...

— Фу! — Девочка пихнула брата локтем. — Гадость какая!

— Фройляйн Блок! — Голос сестры Агнес напоминал удар хлыста. От неожиданности Гретель подпрыгнула на скамье. — Встать!

По классу прошелестели смешки. Здесь по большей части собрались отпрыски крестьян и мастеровых от шести до пятнадцати лет. Чтобы изучать Закон Божий, не требовалось разделять детей по возрастам, как в обычной школе, посещать которую Гензель и Гретель, конечно же, не имели возможности.

Девочка нехотя поднялась.

— Повтори мои последние слова, — отчеканила сестра Агнес.

Гретель замялась, пытаясь сообразить, что же случилось, когда язычники на свою беду вскрыли-таки могилу Леонтия Халдейского. В голове крутилась лишь тыквенная каша, в которую Гензель предложил бросить ноготь святого. В этот момент из-за спины раздался шепот:

— Небеса разверзлись, и ударил гром.

— Когда язычники потревожили мощи святого Леонтия, — радостно затараторила Гретель, — небеса разверзлись, и ударил гром!

— Чушь! — бросила сестра Агнес. — После занятий отправись на кухню вместе с дежурными. Надо привести в порядок котлы, помыть их и начистить до блеска!

Гретель тяжело выдохнула и рухнула обратно на скамью, а сестра Агнес двинулась дальше. Сейчас она уже напоминала не сушеную воблу, а долговязую цаплю, бредущую по болоту. Ученики же походили на притихших лягушек, не желающих оказаться в птичьем клюве.

Посреди класса стояла пузатая металлическая печь на кривых, похожих на львиные лапы ножках. Составленная из нескольких секций жестяная труба уходила в потолок. И печь, и труба были холодными — огонь в топке монахини разводили не раньше, чем на оконных стеклах появлялись морозные узоры, а слова молитв срывались с губ вместе с облачками пара. Выждав, когда сестра Агнес окажется по ту сторону печи, Гретель оглянулась. Она хотела знать, кто «удружил» ей, и столкнулась взглядом с Нильсом Дельбруком. Его худое лицо напоминало застывшую маску, голубые глаза смотрели без всякого выражения. А из уголка рта, как обычно, торчала палочка от леденца.

Юноша перегнулся через парту и негромко произнес:

— А правда, что твоя мать по ночам раздевается и в таком виде бегаёт по лесу? Я слышал, она сумасшедшая!

Девочка ощутила, как вспыхнули щеки, и резко отвернулась. Она знала, что Гензель все слышал, и схватила его за локоть прежде, чем он успел повернуться и ответить Нильсу.

— Что?! — прошипел Гензель. — Мне уже надоело терпеть эти...

— Тихо. — Гретель бросила на младшего брата суровый взгляд. — Хочешь, чтобы и тебя отправили котлы драить?

Мальчик что-то проворчал в ответ и с недовольным видом уставился в раскрытое Писание.

Сестра Агнес не терпела, когда на ее занятиях кто-то отвлекался или болтал. Но если дисциплину нарушал сынок местного пастора, коим и являлся Нильс Дельбрук, с мона-

хиней происходило нечто странное. Казалось, ее глаза поражала слепота, а уши — глухота. Из церковных проповедей и школьных лекций Гретель узнала, что небеса весьма избретательны по части наказаний. Но чтобы так выборочно...

Над зданием школы возвышалась квадратная башенка. Каждое воскресенье, в полдень, одна из монахинь дергала за витой шнур, что свешивался с потолка в прихожей. Для детей, посещавших воскресную школу, удар колокола на башне означал, что уроки закончились и можно отправляться по домам. А пока Гретель слышала вздохи, сопение и ерзанье — имей нетерпение собственный запах, он бы точно перебил долетавший со двора тыквенный аромат.

— ...Когда же чума и проказа поразила каждого первенца в царстве, язычники наконец раскаялись. — Сестра Агнес, похоже, не понимала, что накануне Праздника Урожая никто не хочет слушать о чудесах святого Леонтия. И уж тем более о чуме и прокаже, поразившей его мучителей.

Гулкий колокольный отзвук еще не успел растаять над черепичной крышей, а класс уже наполнился криками, смехом и грохотом отодвигаемых лавочек. Дети хлынули к выходу, уже не обращая внимания на сестру Агнес, призывавшую их к порядку.

В проходе Гретель кто-то толкнул. Она оглянулась и увидела Нильса, за спиной которого ухмылялись Йозеф и Курт. Первый был сыном пекаря и целыми днями месил тесто. Вторым разгружал вагоны на железнодорожной станции. Что у одного, что у другого руки напоминали бревна.

— Знаешь, я слежу за тобой, ведьма, — сказал Нильс. В отличие от своих приятелей, он не улыбался.

Сын пастора выглядел не по возрасту строго — белая рубашка выглажена, жилет застегнут на все пуговицы, короткие брюки заправлены в кожаные гетры. Волосы Нильс Дельбрук укладывал на пробор, подражая отцу. Казалось, этот юноша рожден, чтобы однажды надеть облачение священника.

— За собой последи, — произнесла Гретель, напуская на себя безразличный вид. На самом деле под взглядом этих холодных, похожих на осколки церковного витража глаз ей делалось не по себе.

— Отстань от нее, — сказал Гензель, возникая между сестрой и сыном пастора. — Если хочешь найти ведьму, присмотришься к своей мамаше.

Гензелю было всего тринадцать. Такой же светловолосый, как и сестра, он был на полголовы ниже нее. И на целую голову ниже Нильса. Впрочем, рост и размер кулаков сейчас не играли никакой роли — Дельбрук-младший все равно не стал бы драться с Гензелем. Для подобных делишек у него имелись Йозеф и Курт.

Чувствуя, что сейчас брату крепко достанется, Гретель схватила его за руку и попыталась утащить прочь. Гензель не сдвинулся с места. Крылья его носа, вздернутого и усыпанного веснушками, свирепо раздувались.

— Что, снова будешь прятаться за спинами дружков? — поинтересовался Гензель. — А слабо выяснить отношения один на один, как это делают мужчины?

Нильс наградил мальчишку безразличным взглядом, переложил палочку леденца из одного уголка рта в другой и произнес:

— Идемте, парни. Поговорим с этой мелюзгой позже.

Нильс двинулся в сторону выхода, Йозеф и Курт затопали следом.

Только сейчас Гретель заметила в руке у Нильса пузатую книгу в красном кожаном переплете. Это, конечно же, был «Трактат о ересьях, или Жернова ведьм» — руководство для инквизиторов, написанное два века назад. Там говорилось об ужасных деяниях дьявола, о колдовстве и о том, как бороться с ведьмами. Гретель знала, что особый интерес у Нильса Дельбрука вызывает раздел о пытках и дознаниях.

— Не надо было меня останавливать, — проворчал Гензель, рывком освобождая руку. — Я бы ему показал...

— Ничего бы ты никому не показал, — фыркнула Гретель. — Один только кулак Йозефа Шмидта весит как твоя голова. Но в одном ты все-таки прав. Дельбрук — жалкий трус, который прячется за спинами своих дружков.

На самом деле Гретель не считала Нильса трусом и сказала так, чтобы успокоить брата. Сынок пастора учился в общеобразовательной школе вместе с детьми влиятельных и богатых горожан. А воскресную школу посещал лишь потому, что хотел поступать в духовную семинарию. Для Гретель оставалось загадкой, что творилось в голове у Нильса Дельбрука, но он точно не боялся ни ее, ни Гензеля — детей простого дровосека. Скорее, не хотел марать о них руки.

— Йозеф и Курт меня совершенно не пугают, — сказал Гензель, направляясь к выходу из класса, где возникла небольшая давка. — У них мозгов — как у парочки троллей.

— И внешность как у троллей, — поддакнула Гретель.

— И запах!

— Фройляйн Блок, вас ждут на кухне, — напомнила сестра Агнес, когда Гензель и Гретель проходили мимо нее.

Девочка не собиралась увилывать от наказания. Соблазн, конечно, был велик, но такое решение могло выйти боком.

— Уже иду, — буркнула Гретель.

Рожденные в Священном королевстве Рейнмарк знали, что с церковью шутки плохи. По слухам, в столице светская власть по силе не уступала духовной, но здесь как-никак не столица. Марбах представлял собой небольшой провинциальный городок — от силы несколько тысяч жителей. И здесь еще помнили костры инквизиции. Именно поэтому Гретель так нервировали шуточки Нильса про ведьм и чернокнижников. Не хватало еще, чтобы про семью Блок поползли нехорошие слухи. Обвинят в ереси, и что тогда делать?

— Тебя подождать? — спросил Гензель.

— Не, — отмахнулась Гретель. — Боюсь, я здесь надолго застряла!

Верхнюю одежду и головные уборы ученики оставляли в прихожей на деревянных вешалках. Брат и сестра забрали куртки и вслед за другими детьми вышли на свежий воздух. Обшитое вагонкой и крытое черепицей здание воскресной школы находилось прямо за церковью. К учебному году его подновили и покрасили в белый — деньги на ремонт, как обычно, собирала «святая шестерка». Так с легкой руки пастора в городе называли женский церковный комитет.

— Ладно, — сказал Гензель, — значит, дома увидимся.

— Смотри в оба, — напутствовала его Гретель. — Если встретишь Нильса и его шайку, беги!

Гензель ее уже не слушал. Среди детворы, заполонившей церковный двор, он высмотрел мальчишек, живших по соседству, и поспешил к ним. Это были дети углежогов, дровосеков и смолокуров — всех тех, кто обитал рядом с лесом и жил его дарами. Гензелю уже махал Иуда Ган — долговязый и тощий, как зубочистка, сын птицелова. Парнишка в равной степени страдал из-за своего имени и своей фамилии¹. Гретель боялась, что, в очередной раз услышав шутку про тридцать сребреников, бедняга решит последовать примеру библейского Иуды, повесившись на осине или каком-нибудь другом дереве. Впрочем, у Гана хватало друзей — во многом благодаря отличному домику на дереве, который несколько лет назад построил его отец. Тем, кто шутил про тридцать сребреников и поцелуй Иуды, вход туда был заказан.

«Ну, хоть не один домой пойдет», — подумала Гретель, глядя вслед Гензелю.

Приземистое здание кухни располагалось здесь же, на заднем дворе церкви. Кухня примыкала к трапезной, где уже послезавтра соберется городская знать, чтобы поднять кубки со шнапсом в честь Праздника Урожая. Столы для простолою-

¹ С немецкого фамилия Ган переводится как «петух». — *Здесь и далее примеч. авт.*

динов, растивших и собиравших этот самый урожай, будут накрыты на свежем воздухе.

Гретель направилась в сторону кухни, над черепичной крышей которой вздымались закопченные трубы.

— Что, попало от Агнес? — раздалось за спиной.

Гретель оглянулась и увидела Алису Йохансон, рыжеволосую фермерскую дочку. Ее шерстяной кардиган выглядел новее, чем курточка Гретель, доставшаяся ей от матери, а кожаные ботинки — прочнее и дороже. Семья фермера могла позволить себе больше, чем семья дровосека, однако Алиса посещала только воскресную школу и не слишком задирала нос.

— Еще как попало! — отозвалась Гретель. — А ты сегодня помогаешь на кухне? Котлы и все такое?

— Да! — Алиса догнала Гретель, и дальше они пошли вдвоем. — Мари, Клара и Эмма тоже с нами. Ну, хоть завтра не придется драить церковь!

— Зато мне придется, я в списке дежурных! — Гретель закатила глаза. — А послезавтра снова торчат на кухне!

— Не только тебе, — пожалала плечами Алиса. — Послезавтра сюда всю школу стонят, как обычно. Городская Трапеза — это вам не шуточки!..

Праздник Урожая отмечался в первый день ноября. Начиналось все с торжественной мессы, где пастор благодарил Создателя за обильный урожай, вспоминал святых покровителей Марбаха и молился за души усопших. Гретель слушала эту проповедь из года в год и уже наизусть выучила слова, где говорилось о единстве жизни и смерти: «Все рождается, все умирает — и природа, и человек. Так установил Создатель, таков естественный и неизблемый порядок вещей. Круг замыкается, и прах возвращается к праху».

За мессой следовала Городская Трапеза, по сути, большая тризна, где полагалось вспоминать покойных родственников. А потом горожане дружной толпой отправлялись на кладбище, чтобы привести в порядок могилы.

Считалось, что Праздник Урожая и Городскую Трапезу организует церковь, но вся грязная работа ложилась на плечи детей из воскресной школы. Они убирали и украшали собор, подметали огромный церковный двор, ставили столы, готовили традиционную поминальную кашу... Жители Марбаха приносили на празднество свою еду и напитки, но по заведенному порядку каждому доставалась небольшая плошка тыквенной каши из общего котла. В прошлом году Гретель стояла на раздаче и под конец Трапезы едва поднимала черпак. Обязанности распределяли сестры-монахини, но список дежурных мог в любой момент пополниться за счет провинившихся.

Девочки поднялись по ступенькам и вдвоем толкнули тяжелую дверь, ведущую на кухню. Помещение напоминало пещеру с прокопченным до черноты сводчатым потолком. В особые дни, такие, как Праздник Урожая, огонь пылал во всех печах и дым валил из каждой трубы. В будни же здесь готовилась еда для служителей городской церкви и сестер из монастыря Святой Агаты. Для этой цели хватало одной плиты, а многочисленные медные котлы, кастрюли и сковородки благополучно темнели и покрывались зелеными пятнами. Теперь всю эту коллекцию посуды предстояло начистить до блеска.

Глубокие каменные мойки располагались в дальнем конце кухни. Девочки-дежурные уже стаскивали туда громоздкую посуду, громыхавшую, подобно церковным колоколам. Эмма Бломертц — круглолицая, шумная и, как все прачки, довольно крупная — ворочала тяжеленные котлы. Одинаково тощие Клара и Мари снимали с полок многочисленные сковородки, кастрюли и черпаки.

— Ага, вот и помощь прибыла, — сказала Эмма, сдувая со лба белобрысую прядь. С гулким «бом!» опустив котел на каменный пол, она оглядела новоприбывших. — Знаете, я даже благодарна сестре Агнес. Теперь мы быстрее управимся с этой горой посуды!

— Да я знала, что без меня вы не справитесь, — отмахнулась Гретель. — И специально нарвалась!

Клара и Мари Шепард — сестры-близнецы и еще одни соседки Блоков — дружно захихикали. Эмма же рассмеялась так, что из-под каменных сводов кухни ответило эхо. Ее руки, лежавшие на дужке котелка, еще не стали такими же красными и опухшими, как у других девушек из прачечной, но все к тому шло.

Работа действительно предстояла немаленькая. Никому не хотелось торчать на кухне до вечера, поэтому дежурные сразу же взялись за дело — разложили потускневшую утварь на полу, натаскали воды, приготовили смесь уксуса и соли, от которой медь начинала сверкать как новенькая. Закончив приготовления, девочки расположились на полу и начали полировать посуду ветошью.

Время от времени кто-нибудь из монахинь заглядывал на кухню проверить, как идут дела. И каждая считала своим долгом сказать: «Старайтесь! Я хочу видеть свое отражение в этом котле, как в зеркале!» Когда третья по счету монахиня повторила ровно одно и то же, Алиса проворчала:

— Может, если мы скинемся им на зеркало, они от нас отстанут? А?

От уксуса щипало глаза и нос, соль разъедала пальцы, и все это вместе мешало сохранять уважительный тон.

— Зачем им зеркало? — фыркнула Эмма, в очередной раз сдувая прядь с широкого лба. — Они же тут все до одной ведьмы, а ведьмы не отражаются в зеркалах!

Гретель, Алиса и близняшки Шепард как по команде оглянулись на дверь, но там никого не было. Только тогда девочки позволили себе сдержанно похихикать.

— Ты путаешь, — сказала Алиса, чьи волосы почти не отличались цветом от медного ковша в ее руках. — В зеркалах не отражаются вампиры.

— Я слышала, если человек при жизни много грешил или занимался колдовством, есть шанс, что после смерти он ста-

